

СТАНОВЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ Г.В. ВЕРНАДСКОГО

Статья посвящена изучению жизни и деятельности выдающегося историка-евразийца Г.В. Вернадского. Особое внимание уделено субъективным и объективным факторам, повлиявшим на научное становление личности, прежде всего влиянию отца, В.И. Вернадского, на деятельность Вернадского-младшего. Этот аспект в свою очередь поможет осветить те или иные поступки историка, понять источники возникновения его евразийских и геополитических суждений.

Ключевые слова: Г.В. Вернадский; личность; евразийство; эмиграция.

Георгий Владимирович Вернадский (20 августа 1887 г. – 13 июня 1973 г.) – крупнейший отечественный, а затем и американский историк, внесший значительный вклад в изучение истории России, прежде всего в понимание процесса формирования географического и культурного пространства на территории Евразии. В настоящей работе анализируются основополагающие факторы творческого развития Г.В. Вернадского: условия воспитания, ближайшее окружение, уровень образования, заложившие основу научного круга интересов, а также взаимоотношения с отцом – В.И. Вернадским, так как именно мнение отца было для Г.В. Вернадского определяющим в его научной деятельности.

Георгий Владимирович Вернадский родился в Санкт-Петербурге в семье ученого [1. С. 157]. Его отец Владимир Иванович уже в то время был широко известен как крупный специалист в области геологии и естествознания. На протяжении всей жизни отец давал советы и был замечательным другом своему сыну. Вот как вспоминает сам Г.В. Вернадский: «Под его влиянием я, будучи, кажется, еще в 5-м классе гимназии, заинтересовался геологией. Позже это увлечение сменилось интересом к истории» [2. С. 131]. Воспитанный в семье ученого, Г.В. Вернадский с юных лет испытывал уважение к интеллектуальной деятельности и научному творчеству. В 1889 г. семья Вернадских переехала в Москву. Здесь в 1905 г. Георгий окончил 5-ю Московскую гимназию с золотой медалью. Помимо этого, Вернадский-младший последовательно перепробовал традиционные для интеллигенции «искания»: кружок «самоусовершенствования», «хождение» к Льву Толстому в Ясную Поляну, дискуссии с социал-демократами [3. С. 322].

По окончании 5-й Московской гимназии, осенью того же года, он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где посещал курсы профессоров А.Н. Савина, Д.М. Петрушевского, М.М. Богословского, А.А. Кизеветтера, Р.Ю. Виппера. Большое впечатление на Вернадского произвели лекции В.О. Ключевского [2. С. 132]. Позднее Георгий назвал себя его учеником [3. С. 323]. В первый год обучения он выезжал в Германию во Фрейбургский университет для научных занятий и слушания лекций, где он увлекся идеями Генриха Риккерта. Там же окончательно оформилось желание молодого Вернадского посвятить себя науке. «С нетерпением жду начала университетских занятий, – писал он матери. – Ужасно рад возможности заниматься, и чувствую в себе достаточно твердости для научной работы» [3. С. 324].

Научным занятиям способствовали склонность Г.В. Вернадского к академическому, несуетному образу жизни, отсутствие публичного темперамента, он никогда не был лидером, скорее ведомым и, следовательно, не склонным к конфронтации, особенно с родителями [4. С. 91]. Отец, перед которым он преклонялся, был членом центрального комитета кадетской партии. Практически всю жизнь Г.В. Вернадский прислушивался к мнению своего отца. Например, в 1913 г. выходят первые его по замыслу «евразийские» работы, вызвавшие суровую критику академика Вернадского, который и в дальнейшем тщательно рецензировал все сочинения сына [4. С. 92].

Еще одной характерной особенностью творческой деятельности Г.В. Вернадского является изучение проблем распространения русских по евразийскому матерiku. В 1912 г. на материалах Московского архива Министерства юстиции (Мамю) он начал изучение истории Якутского края, которое должно было, по первоначальному замыслу, составить основу магистерской диссертации. Даже была намечена структура работы: «1. Открытие реки Лены и ее притоков и первые шаги русских на Лене до основания Якутского уезда. 2. Хозяйственная жизнь Якутского края приблизительно 1640–1650 гг. 3. Административная и всякая другая жизнь русских в Якутском крае за те же годы» [5. С. 11]. Запланированное исследование в полном объеме не было подготовлено. Но его первая часть легла в основу работ, посвященных «движению русского племени на восток» [6. С. 630]. Весной 1913 г. Георгий переехал в Санкт-Петербург, где познакомился и начал сотрудничать с С.Ф. Платоновым, под его руководством стал писать магистерскую диссертацию по теме «Русское масонство при Екатерине II» и одновременно собирал материалы, касающиеся отношений России с Востоком [2. С. 140–141; 6. С. 625–626]. Весной 1914 г. он получил звание приват-доцента Санкт-Петербургского университета [7. С. 27–28].

Вскоре в его судьбе произошел коренной перелом. Защита диссертации была назначена на 22 октября 1917 г., в Петербурге тогда царила атмосфера надвигающейся катастрофы, однако академическая среда жила своей автономной жизнью. Защита диссертации состоялась и прошла успешно. 25 октября Г.В. Вернадский выехал в Пермь, где его ждала жена и где сам он незадолго до защиты диссертации получил должность исполняющего обязанности профессора русской истории в местном университете. Лишь в Перми Г.В. Вернадский узнал, что в день его отъезда из столицы про-

изошел большевистский переворот, которого ни Георгий, ни его отец не приняли.

Некоторое время Пермский университет оставался в стороне от политических событий, как вспоминает сам Г.В. Вернадский: «В политическом отношении до середины зимы Пермь (и Пермская область) управлялась местным Советом Рабочих и Солдатских Депутатов и была автономна. Некоторые из декретов советского правительства принимались, другие отвергались. Большевики были в меньшинстве в Пермском совете, большинство были эс-эры и меньшевики. Так продолжалось до января 1918 года... вообще же говоря, я в Перми политической деятельностью не занимался» [2. С. 143]. Вернадский деятельно участвовал в становлении университетского образования на Урале, выполнял большой объем методической работы, содействовал созданию в университете «Общества “исторических”, философских и социальных знаний» [7. С. 27–28], в работе которого активно участвовал и редактировал первый выпуск трудов этого общества, где поместил, в частности, свою работу «Императрица Екатерина II и законодательная комиссия 1767–1768 гг.» [7. С. 28]. Попутно он изучал материалы по истории Урала и Сибири, овладел татарским языком: «В Перми – на пороге Сибири – возобновился мой интерес к Сибири, хотя я научно ей не успевал заниматься. Но я начал заниматься татарским языком у местного муллы» [2. С. 143].

В то время Пермь жила интенсивной церковно-религиозной жизнью, здесь Г.В. Вернадский открыто и осознанно обратился к православным ценностям. В воспоминаниях ученый пишет: «В Перми я, можно сказать, вернулся к церкви. Во время моего студенчества в Москве и позже до 1917 года я как-то отошел от религии и церкви, хотя и не сделался атеистом и почти всегда ходил на 12 Евангелий и на Пасхальную заутреню» [2. С. 144]. Как отмечает Н.Н. Болховитинов, «Г.В. Вернадский протестовал против грубых антицерковных выпадов воинствующих атеистов и гонений на православие» [8. С. 44]. С ужесточением большевистского режима ученому пришлось скрываться от преследований ЧК, вот что сам Г.В. Вернадский пишет: «В мае 1918 года друзья меня предупредили, что ЧЕКА собирается меня арестовать» [2. С. 145].

В середине 1918 г. ему удалось выбраться в Москву, а оттуда – в Киев, где его отец В.И. Вернадский стал первым президентом Академии наук Украины [2. С. 146–149]. Георгий Владимирович Вернадский при содействии отца был избран профессором Симферопольского филиала Киевского университета и уехал в Крым. Но вскоре Крымский полуостров стал ареной жесточайшего вооруженного противостояния между красными и белыми, власть там не раз менялась. Г.В. Вернадский вспоминал: «В России уже начиналась гражданская война, подымалось против большевиков донское казачество, образовалась Добровольческая армия во главе с Деникиным. При таких условиях нельзя было думать о возвращении в Пермь, и я решил вызвать Нину в Киев и остаться на юге. Отец одобрил мое решение. Я предпочел Симферополь Екатеринославу. Историко-филологический факультет Киевского университета избрал меня профессором Симферополь-

ского филиала. Затем этот филиал превратился в самостоятельный университет, названный Таврическим» [9. С. 103]. Г.В. Вернадский не мог не задумываться о причинах русской смуты, как считает историк Николаев Б.А.: «Г.В. Вернадский связывал данные события с нигилизмом интеллигенции, ее оторванностью от интересов основной массы народа» [5. С. 12]. Что же касается научной деятельности ученого в Крыму, то он пишет: «В Таврической ученой архивной комиссии я принял деятельное участие... Кроме преподавания я с увлечением изучал ордера и письма Потемкина и другие материалы Тавельского архива и на основании их сделал несколько докладов на заседаниях архивной комиссии... Я продолжал свои занятия татарским языком у местного муллы» [9. С. 104–105]. В самом Симферополе в этот период времени власть переходила то в руки красной армии, то в руки белой армии, Г.В. Вернадский замечает: «Еще в конце существования крымского правительства в Крыму начались затруднения с продовольствием. При большевиках стало еще гораздо хуже. При добровольцах стало сначала немного лучше» [9. С. 106]. В Крыму ученый встретил некоторых давно знакомых друзей, в том числе Сергея Булгакова и М.И. Петрункевича, с которым еще в Москве у него сложились приятельские отношения [9. С. 106–107].

По примеру отца Г.В. Вернадский сотрудничал с администрацией генерала А. Деникина, а затем – барона П.Н. Врангеля. В сентябре 1920 г. он согласился принять должность начальника отдела печати в правительстве последнего [9. С. 110]. Но поработать ему в ставке Врангеля в Севастополе пришлось совсем недолго. Уже в октябре, после окончательного поражения белых, Вернадскому вместе с женой пришлось эвакуироваться. С.В. Рыбаков отмечает: «Если Вернадскому-старшему определенные гарантии от большевистских преследований давало его всемирно известное имя, то Георгий реальных шансов избежать репрессий не имел» [1. С. 162]. На протяжении 1920–1921 гг. Вернадский, находясь в Константинополе, испытывал тяжкую нужду. В августе этого года он записал в своем дневнике: «Тоска о России и боль в душе невыносимая» [1. С. 163; 9. С. 116].

Переезд в Афины дал возможность вернуться к научной деятельности, он стал работать в библиотеке Греческой археологической ассоциации, изучая источники по истории Византии. Конечно же, здесь присутствует определенное влияние отца, в одном из писем сыну В.И. Вернадский пишет: «Что касается общественно-политической деятельности эмиграции – она мне представляется ненужной и печальной. Корней в России нет: там идет свой процесс. Задача эмиграции: подготовка личностей и работа научная и культурная» [10]. Последующее мнение отца, высказанное в письме от 13 октября 1924 г., значительно направило творческие искания Г.В. Вернадского: «Я очень рад и моему занятию Византией и твоему желанию слушать Нидерле – но я совсем не могу понять, отчего опять ходить около? Отчего не взять главной и прямой работой татарское нашествие? Ведь опять ты уходишь в сторону и не углубляешься в предмет...» [11].

В феврале 1922 г. Г.В. Вернадский перебрался в Прагу, где приступил к чтению лекций на русском

юридическом факультете Карлова университета. Здесь он издал курс лекций по российскому праву «Очерк истории права Русского государства XVIII–XIX вв.» [4. С. 94], ставший его первой книгой в эмиграции. В дальнейшем Г.В. Вернадский присоединился к евразийскому движению, близко сойдясь с его лидером П.Н. Савицким. Историк также установил доверительные отношения с такими известными евразийцами, как Л.Н. Карсавин, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский [8. С. 37–38]. Статьи Вернадского внесли существенный вклад в развитие исторической концепции евразийства, но он не был сторонником чрезмерной политизации евразийского движения. Попутно Г.В. Вернадский принимал активное участие в работе семинара (а впоследствии института) известного историка средневекового искусства и византиниста Н.П. Кондакова [12. С. 156]. В 1925 г. Н.П. Кондаков возглавил этот институт. Идеи Кондакова о взаимосвязи степной, византийской и славянской культур повлияли на исторические воззрения Г.В. Вернадского. С учетом его интереса к истории российской колонизации вполне естественным представляется присоединение Г.В. Вернадского к евразийскому движению – вопреки мнению отца, который не одобрял его участия в евразийстве. В одном из писем сыну В.И. Вернадский писал: «Я нисколько не сомневаюсь, что евразийцы (кстати, в Индии так называют метисов англичан) хорошие и, может быть, интересные люди – но они плохие мыслители – с неясной головой, с религиозно-философскими априориями – но самое главное – скучные и неживые, по статьям своим... По поводу Евразийства хочется еще отметить, что мне представляется странным и фактически и исторически неверным отождествлять православие и Россию» [13]. В следующем письме В.И. Вернадский делает замечание, которое указывает на его знакомство с научными замыслами сына: «Я особенно хочу в твоей исторической работе, чтобы ты отошел от публицистики, взял исследование крупной исторической эпохи и дал волю твоему художественному таланту. Конечно, всякий историк тенденциозен, отражает свою личность и свою эпоху – но углубленная работа над большим явлением и художественное воссоздание служат коррективом. А я боюсь, что твоя оценка чужих исторических работ (например, то, что ты не видишь слабости мысли евразийских произведений – за исключением Н. Трубецкого – или Лаппы) является недостаточно научной» [14].

Рождество и лето 1923-го, Пасху 1924-го Вернадские провели в Париже, где появляется возможность помочь друзьям и знакомым. Благодаря усилиям Г.В. Вернадского в Прагу приехали Н.П. Толь и о. Сергей (Булгаков), с которым Георгий Вернадский сблизился еще в Таврическом университете [4. С. 94–95]. Что же касается самой жизни в Париже, то из письма В.И. Вернадского можно узнать, что сын испытывал серьезные материальные трудности и частично откладывал научную деятельность [13]. При этом в 1923 г. выходит в свет статья Г.В. Вернадского «Соединение церковью в исторической действительности» [15], написанная для сборника «Россия и латинство». Анализ данной работы показал, что статья содержит патриотические взгляды Г.В. Вернадского. Необходимо под-

черкнуть, что В.И. Вернадский ее не поддержал, а напротив, подверг конструктивной критике, которую выразил в письме сыну: «Меня поразило материалистическое обоснование происходившего; из твоей статьи получается впечатление, что основными пружинами были политические расчеты византийцев и других политических деятелей и злостные стремления к власти пап. Но если даже они воспользовались идейным течением – то ведь было все-таки и идейное течение! А оно исчезло в твоём изложении – идея единения церковью все-таки великая идея – но ее истории у тебя нет и ее деятелей в твоей статье не видно... С другой стороны, в твоей статье исчезло необходимое беспристрастие: если ты говоришь о гонениях и преследованиях православных, которыми достигалась уния, и упоминаешь о воссоединении XIX в., то нельзя скрывать пути – того же преследования и гонения униатов – таким было достигнуто это “воссоединение”» [14]. Конечно же, на дальнейшем научном творчестве Г.В. Вернадского отразилось это мнение Вернадского-старшего.

До 1925 г. Вернадские проживают в Збраславе, где появляются его первые ученики – А.Б. Эфрон и С.Г. Пушкарев. В начале 1925 г. Вернадские переезжают в Прагу, в русский «профессорский дом» [4. С. 95], в этом же году историк выпускает несколько работ, одна из них «Два подвига св. Александра Невского» (1925) [16], другой, вышедшей в 1927 г. в «Евразийском временнике», является «Монгольское иго в русской истории» [17]. Как отмечает А.Н. Полухин, эта работа была написана значительно ранее, чем ее опубликовали [18]. В начале исследования ученый подвергает критике работу «La Russie en 1839», автором которой был маркиз де Кюстин. Данный факт доказывает, что Г.В. Вернадский не утратил патриотических чувств, а напротив, формирует их, постепенно приходя к евразийским идеям. Свидетельствует об этом следующий тезис, который в дальнейшем и направил историка к научным исканиям: «Развернувшаяся на великой восточно-европейской равнине, как особый культурный мир между Европой и Азией, Русь в XIII веке попадает в тиски, так как подвергается грозному нападению обеих сторон – латинской Европы и монгольской Азии... Предстояло выбирать между Востоком и Западом...» [16. С. 229, 230]. Безусловно, в этот период научного творчества на Г.В. Вернадского оказывает колоссальное влияние общение с П.Н. Савицким. Впоследствии историк во многом заимствовал и развивал евразийские идеи П.Н. Савицкого: они были ярко представлены в монографии Г.В. Вернадского «Начертание русской истории» (1927) [19].

Другая проблема, которая занимала Г.В. Вернадского в ранний период научного творчества, это проблема лидеров колонизационного движения русских в XVII в. В статье «Государевы служилые и промышленные люди», которую он сам считал наиболее серьезным среди своих первых сочинений, историк путем обстоятельного исторического анализа прослеживает соотношение двух основных колонизационных сил – частных и служилых людей. В этой статье Вернадский пытался также определить тип зависимости русских колоний (окраин) от метрополии (государственного центра). Его интересовал характер государствен-

ной администрации, действовавшей в Сибири, роль частных промышленных людей [20. С. 11–12]. С переездом Г.В. Вернадского в США (1927 г.) началась новая фаза его жизни. Благодаря стараниям его друзей М. Ростовцева и Ф. Голдера он получил место преподавателя в Йельском университете (вне состава профессуры). Поначалу он испытывал психологический дискомфорт, ощущая себя чужаком среди американ-

ских коллег, но, несмотря на все трудности, продолжал заниматься научной работой [6. С. 631].

Таким образом, Г.В. Вернадский прошел нелегкий, тернистый жизненный путь. Находясь в эмиграции, он не оставлял научной и преподавательской деятельности, продемонстрировав тем самым волевые качества, целеустремленность, упорство и трудолюбие, которые помогли ему добиться всеобщего признания как выдающегося историка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыбаков С.В. Историк – евразиец Георгий Вернадский // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 152–165.
2. Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 129–148.
3. Дуровцев В.И., Соничева Н.Е. Георгий Владимирович Вернадский // Портреты историков: время и судьбы : в 2 т. Т. 1: Отечественная история / отв. ред. Г.Н. Севостьянов и Л.Т. Мильская. М., 2000. С. 322–331.
4. Сорокина М.Ю. Георгий Владимирович Вернадский // Природа. 1999. № 2. С. 89–103.
5. Николаев Б.А. Вступительная статья // Вернадский Г.В. Русская история. М. : Аграф, 2001. С. 5–14.
6. Соничева Н.Е. Георгий Владимирович Вернадский // Историки России. Биографии / сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М. : Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 625–641.
7. Алеврас Н.Н., Серебрякова И.И. Г.В. Вернадский: в контексте творческой судьбы. Евразийство и культура // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2007. № 1. С. 26–32.
8. Болохвитинов Н.Н. Русские ученые – эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М. : Российская политическая энциклопедия, 2005. 142 с.
9. Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 103–121.
10. Письмо Г.В. Вернадскому от В.И. Вернадского от 09.VI.1923. Paris, Rue Toullier // Публикация и примечания к и.н. М.Ю. Сорокиной. URL: <http://arran.ru/index.php?page=publications/vernad/vernad3&ARFOND=3fssf4n7vuj14n0vj9qarpdnu7> (дата обращения: 26.01.2013).
11. Письмо Г.В. Вернадскому от В.И. Вернадского от 13.XI.1924. Bourg la Reine (Seine). Rue du Chemine de fer // Публикация и примечания к и.н. М.Ю. Сорокиной. URL: <http://arran.ru/index.php?page=publications/vernad/vernad3&ARFOND=3fssf4n7vuj14n0vj9qarpdnu7> (дата обращения: 26.01.2013).
12. Соничева Н.Е. Вернадский Г.В. Соединение церквей в исторической действительности // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 156–158.
13. Письмо Г.В. Вернадскому от В.И. Вернадского от 01.VIII.1924 г. Париж, Rue Toullier // Публикация и примечания к и.н. М.Ю. Сорокиной. URL: <http://arran.ru/index.php?page=publications/vernad/vernad3&ARFOND=3fssf4n7vuj14n0vj9qarpdnu7> (дата обращения: 26.01.2013).
14. Письмо Г.В. Вернадскому от В.И. Вернадского от 15.IV.1925 // Публикация и примечания к и.н. М.Ю. Сорокиной. URL: <http://arran.ru/index.php?page=publications/vernad/vernad3&ARFOND=3fssf4n7vuj14n0vj9qarpdnu7> (дата обращения: 26.01.2013).
15. Вернадский Г.В. Соединение церквей в исторической действительности // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 155–175.
16. Вернадский Г.В. Два подвига Святого Александра Невского // Русский узел евразийства: Восток в русской мысли : сб. трудов евразийцев / отв. ред. Н.И. Толстой ; сост. вступ. ст. и примеч. С.Л. Ключникова. М. : РОС. АН, 1997. С. 223–251.
17. Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Русский узел евразийства: Восток в русской мысли : сб. трудов евразийцев / отв. ред. Н.И. Толстой ; сост., вступ. вт. и примеч. С.Л. Ключникова. М. : РОС. АН, 1997. С. 251–274.
18. Полухин А.Н. Турано-татарский элемент в евразийской концепции // V Чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского (1925–1995) : материалы Междунар. науч. конф. Новокузнецк : РИО КузГПА, 2010. С. 239–244.
19. Вернадский Г.В. Начертание русской истории : учеб. пособие для вузов. СПб. : ЛЕАН, 2000. 318 с.
20. Алеврас Н.А. Начала евразийской концепции в раннем творчестве Г.В. Вернадского и П.Н. Савицкого // Вестник Евразии. 1999. № 1. С. 5–17.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2013 г.